

* 8 ДЕК 1987

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

ИЗ ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ ВОЗВРАТЯСЬ

«Мир дому твоему, человек»

Не так давно Аркадий, Константин и Екатерина Райкины вернулись из гастрольной поездки по крупнейшим городам США — Вашингтон, Нью-Йорк, Филадельфия, Лос-Анджелес, Сан-Франциско, Чикаго, Бостон. Наш корреспондент Татьяна ДМИТРУК попросила артистов рассказать о своих впечатлениях.

— Это было первое приглашение Аркадия Райкина, художественного руководителя театра «Сатирикон», в США?

Аркадий Райкин. — Увы, нет! Лет 20 назад меня пригласил крупнейший импресарио Сол Юрок, инициатор гастролей в США коллектива Большого театра. Тогда считалось, что сатира — «невязднкой» жанр, и гастролы не состоялись. Потом были попытки других импресарио. «Он болен», — отвечали, оказывается, им иные чиновники от культуры, а я, понятно, об этом ничего не знал. На этот раз против были только врачи: смена климата, часовые пояса, перелеты с побережья Атлантического океана на берег Тихого и обрат-

но. В итоге поехали мы втроем с сыном, артистом театра «Сатирикон», и дочерью, актрисой Театра имени Вахтангова. Идеей концерта были «отцы и дети».

— Первое выступление состоялось в Вашингтоне. Как оно проходило?

Константин Райкин. — На премьере присутствовали сотрудники советского посольства. Этот вечер запомнился особенно сильным волнением. Зал университета не был приспособлен для театральных представлений: не хватало осветительных приборов, микрофонов. Пришлось привезти их с собой. Зал был полон. Этот приятный факт чуть было не обернулся скандалом: на многие места были проданы двойные билеты.

Нам очень помогал смех зрителей, который возникал в тех же местах выступления, что и у нас дома.

— Как вас принимали?

К. Р. — Хорошо. Я бы ска-

зал, с большим удивлением. Зритель там наивный и открытый. Сразу понимаешь, нравишься или... Там нет такого долгого присматривания, как у нас. Смеются громко, могут свистнуть в знак одобрения, но к этому быстро привыкаешь.

Когда отец читал центральный монолог из спектакля «Мир дому твоему» об опасности войны, слушали непривычно тихо и внимательно. В финале он спел свою старую песенку «Добрый зритель в девятом ряду». Что творилось в зале, трудно описать. После концерта много зрителей пришло к нам за кулисы.

— О чем же шли разговоры там?

А. Р. — Наши концерты посмотрели более 10 тысяч американцев. Все абсолютно интересовались тем, что происходит у нас в стране. Перестройка, гласность — вопросы главные, бесконечные. «Это напечатано?» — «Напеча-

тано!» Например, «Собаачье сердце» М. Булгакова. «А этот фильм видели?» — «Видел!» Например, «Проверка на дорогах» или «Покаяние». Как же это замечательно, свободно отвечать на вопросы, а не уходить от них. Ведь это свидетельство силы нашей перестройки! Когда болезнь неизлечима, ее необходимо скрывать от больного, а если нет, то можно и даже нужно говорить и о симптомах, и о лекарствах. Радостно констатировать, что происходит постепенное потепление между нашими странами. Во всяком случае, те люди, которые приходили на наши концерты и за кулисы, хотя бы мира. Когда я произносил ключевую фразу: «Мир дому твоему, человек!», каждый понимал, что она относится и к нему как к жителю нашего общего дома — планеты Земля.

— Удалось ли вам посмотреть хотя бы один спектакль в США?

А. Р. — Да! Я видел в одном из театров на Бродвее популярный мюзикл «Я и моя девушка». Замечательная театральная машинерия спектакля — свет, звук, отличные костюмы, декорации. И дело не в том, что сюжет банален: юноша любит девушку, уезжает, а она влюбляется в другого, вспомнили? Такой же сюжет лежит в основе русской классической комедии «Горе от ума» А. С. Грибоедова. Однако между ними — «дистанция огромного размера». Театр не средство получать удовольствие. У него другая миссия. Он может и должен формировать общественное сознание, открывать людям глаза на происходящее. В наше время артист не только тот, кто умеет представлять, а тот, кто при этом мыслит и борется. Сатира — это позиция! Смех — это оружие!

Мы создали более 50 спектаклей — и сегодня очень обидно сознавать, как много

сил было отнято у творчества и отдано борьбе с людьми, которые имели право тогда «пускать или не пускать». При этом они сами не очень-то разбирались в искусстве. Я всегда опасался таких воинствующих невежд. Давно известно, что знание относительно, а невежество — безгранично. «Главное, повеселей!» — говорили нам эти «ценители», предпочитая, чтобы наши спектакли только веселили народ, отвлекая его от кровоточащих тем.

— А как у нас сегодня дела с эстрадой? Есть ли надежда, что она придет в себя?

А. Р. — Эстрада — часть нашей жизни. Будет жизнь лучше, и эстрада будет лучше. Ведь она в прямой зависимости от того, что происходит в обществе. Раньше эстрадное искусство называли еще и концертным. Например, пение Руслановой, чтение стихов Яхонтова, сцены из спектакля МХАТа были концерт-

ным номером, то есть виртуозно исполненным. Как раз качество — это то, что эстрада потеряла в пути и что теперь ищет.

— В поездке на вас обрушилась лавина впечатлений не только профессиональных, но и житейских. Пожалуйста, первое, что приходит на память.

А. Р. — Больше всего в США мы думали о нашей стране. И о нашем сервисе... Маленький пример. Когда приходишь ночью после концерта в гостиницу, постель уже раскрыта, на подушке лежит конфетка и пожелание: «Приятных сновидений». Как бы пригодился у нас такой знак внимания к приезжему в чужом городе.

— С каким чувством вы возвращались домой?

А. Р. — «И дым Отечества нам сладок и приятен!» Чувство любви к Родине не так ярко обнаруживает себя дома, как за рубежом. Уже после двух недель гастролей мы начали считать дни до возвращения. Хотелось поскорее поделиться с друзьями впечатлениями, новыми идеями.